

ЛЮДМИЛА БОЕВА (София)

ТЫРНОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ШКОЛА И ВЕЛИКИЕ ЧЕТЬИ-МИНЕИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

В истории славянской средневековой культуры Тырновская литературная школа занимает особо важное место. Деятельность патриарха Евфимия, главы школы, его учеников и продолжателей поставила болгарскую литературу того времени на уровень передовых европейских литератур. Влияние Тырновской школы продолжает ощущаться в славянской культуре еще длительное время спустя, во второй половине XIV, XV и даже XVI вв. Проводимая патриархом Евфимием реформа болгарской грамматики, орфографии и принципов переводческого искусства отразила стремление формально и по существу, идейно и художественно выравняться с византийской литературой. Новые устремления совмещались притом с уважением к болгарской многовековой литературной традиции, наследию Кирилло-Мефодиевского этапа, собственной „античности“.

Излюбленными жанрами авторов Тырновской школы становятся житие и похвальное слово, во многом приближающееся к житию. Под пером этих авторов трансформируются традиционные жанры: изображение отчасти конкретизируется, уточняется характеристика главного персонажа, дается собственное отношение агиографа к описываемым событиям, расширяется образ повествователя, через этикетный образ пишущего грешника начинают проглядывать черты земного человека, общественного деятеля, писателя. У Киприана, Григория Цамблака и Константина Костенечкого усиливается в житиях и похвальных словах момент исторический и биографический. Канонический панегирик, написанный в подчеркнуто пафосном, усложненном, высококультивированном риторическом стиле, открывает дорогу формирующейся светской повести — биографии реального исторического героя¹.

Русская литература средневековья воспринимает по-своему и со своими национальными особенностями развивает три основных момента: стиль, философию и филологические начинания Тырновской школы. Для книжников Евфимиевского круга характерно отношение к слову как многозначному, гибкому и совершенному инструменту для изложения „божественной истины“. Стремление как можно точнее передать смысл словом выразилось в их особом стиле, который отличается изобилием сложных предложений, синонимов, дублетов, однородных членов. Для точнейшей передачи оттен-

¹ Ср. Е. Георгиев. Българската литература в общославянското и общеевропейско литературно развитие. С., 1973, с. 110.

ков мысли, нюансов чувств в нем широко используются инверсии, перифразы, олицетворения, символы, аллегории, абстрактные пышные многословные отступления, риторические ораторские элементы и т. п. Этот усложненный и утонченный стиль, дающий талантливому писателю богатейшие возможности для проявления творческой индивидуальности, на Руси получил название „плетения словес“. Крупнейшим мастером его стал оригинальный русский писатель-житиеписец Епифаний Премудрый. В русских памятниках проявилась и философская наполненность излюбленных тырновцами литературных жанров, связанная с исихазмом и давшая толчок к новому способу изображения человека в житии: передаче его внутренних душевных переживаний, эмоций, к созданию абстрактно-психологического образа героя. Наконец, обозначился и углубленный интерес к филологии, орфографии, грамматике, вопросам переводческого дела. У русских писателей и переписчиков появляется и искусственная орфография, характерная для болгарского языка, и т. п. В особой ритмико-мелодической организации текста, написанного стилем „плетения словес“, слышится музыка „скомороших бубнов“ и „константинопольских органов“, органически сочетаются национальные черты и европейская традиция². „Легкость и быстрота, с какой филологические новшества болгарских реформаторов были усвоены литературой сербской, русской и румыно-славянской, объяснялись большой близостью литературных языков южных и восточных славян (имевших единую церковнославянскую основу), общностью религии, а главное — соответствием духу времени, потребностям культурного развития братских славянских народов в эту эпоху“, — писал И. Голенищев-Кутузов³. Распространению принципов и традиций Тырновской школы способствовали не только болгарские рукописи и переводы, но и волна эмиграции из южнославянских земель, поднявшаяся в связи с османскими завоеваниями. Произведения Киприана, Григория Цамблака, Пахомия Сербя, написанные на Руси и ставшие частью русской литературы, послужили основой при распространении характерных черт т. наз. второго южнославянского влияния. Его следы прослеживаются в русской литературе еще и в XVI в., прежде всего в таком обобщающем произведении, как Великие Четьи-Минеи митрополита Макария.

В научной литературе в последнее время наметилась тенденция пересмотра термина „второе южнославянское влияние“. На IX международном съезде славистов одна из дискуссий затронула проблемы конфронтации Восток—Запад в средневековье и масштабы воздействия на Руси южнославянского влияния, роли болгарских и византийских книжников. В докладе американского ученого Д. Уорта „Так называемое „второе южнославянское влияние“ в истории русского литературного языка“ были прослежены явления стилистического (риторического) и чисто лингвистического порядка, сгруппированные по двум основным языковым осям: приемы синтагматические и приемы парадигматические, и показано, что те и другие „восходят не к болгарским и сербским источникам, а представляют собой скорее возобновление и интенсификацию риторических приемов древнерусской (киевской) поры“. Генетический анализ ряда черт, обычно считавшихся „южнославянизмами“, пишет далее Д. Уорт, показывает, что „они восходят к болгаро-сербским источникам не более, чем в 25 процентах случаев“. Остальные случаи — отражение греческого влияния или языковая архаизация на

² С. Аверинцев. Славянское слово и традиции эллинизма. — Вопросы литературы, 1976, № 11, 152—162.

³ И. Голенищев-Кутузов. Славянские литературы. М., 1973, с. 24.

чисто восточнославянской основе⁴. Автохтонность лингвокультурных и литературных явлений этого периода или преобладание в них византийских, а не южнославянских элементов защищалась и в ряде других докладов, а затем и работ, появившихся в последнее время в Советском Союзе (ср. взгляды Л. Жуковской, В. Кускова и др.).

Несомненно, что вопрос о втором южнославянском влиянии после своего рода основополагающих трудов акад. Д. С. Лихачева⁵ долгое время не привлекал столь углубленного внимания и нуждается в новых разработках. Но дело едва ли решится математическими процентными соотношениями. Более широким или более узким было непосредственное лингвистическое и стилистическое воздействие южнославянских литератур на русскую литературу в XIV, XV и XVI вв., оно несомненно имело место. Более того, в том, что Уорт называет автохтонными приемами литературы киевской поры, были также и древнеболгарские „первообразы“ и „парадигмы“⁶, т. е. языковые, идейные и формальные образцы, которые в большой мере обусловили следующее развитие целой литературной деятельности в землях православного славянства⁷. Все они прослеживаются уже в недрах Кирилло-Мефодиевской школы, а кодифицируются окончательно в работах Преславской школы. Древнеболгарские „первообразы“ не могли не оказать прямого воздействия уже на древнюю литературу Киевской Руси. К этой литературе, к своей „античности“ обращаются многие авторы конца XIV — начала XV в. на Руси, в том числе и Епифаний Премудрый, а потом и писатели, книжники XVI в., в том числе и кружок Макария. К своей „античности“, Кирилло-Мефодиевской школе, Преславской книжности обращается и Тырновская школа. Классические „парадигмы“ древнеболгарской литературы, а через их посредство и воздействие византийской литературы и ее образцов, приходят на Русь в разное время, разными путями, процесс является многослойным и усложненным. Он оказывается и очень длительным, начинаясь с периода принятия христианства и начала русской письменности и прослеживаясь в отдельных элементах вплоть до нового времени. Конечно, это обоюдное взаимовлияние. Русская литература еще в самые начальные времена также оказывает воздействие на южнославянскую культуру, будь это „Слово о законе и благодати“ митрополита Иллариона или проповеди Кирилла Туровского и под. В XVI в. все эти линии концентрируются интересным образом в собранных кружком митрополита Макария Великих Четьих-Минеях. Тырновская литературная школа присутствует в них, во-первых, непосредственно, через произведения своих представителей, переписанные и включенные в монументальный русский свод, во-вторых, через произведения русских авторов, представляющих переделки или собственные сочинения на тематику из болгарской литературы и истории, в-третьих, через литературное воздействие на стиль, слог, идеи и т. п. авторов макариевского кружка и их произведения.

Воздействие традиций Тырновской школы на кружок Макария не было непосредственным, оно было воспринято через творивших на Руси южнославянских писателей и русских оригинальных авторов предшествующего пе-

⁴ Д. У о р т. Так называемое „второе южнославянское влияние“ в истории русского литературного языка. — В: Резюме докладов и письменных сообщений. IX международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983, 222—223.

⁵ Д. С. Л и х а ч е в. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

⁶ Терминология Р. Пиккио. См. Р. П и к к и о. Мястото на старата българска литература в културата на средновековна Европа. — Литературна мисъл, № 8, 1981, с. 20.

⁷ Там же.

риода: Киприана, Григория Цамблака, Епифания Премудрого и особенно Пахомия Серба. Произведения последнего были для составителей Великих Четых-Миней образцом для подражания. Он не был писателем такого таланта, как Епифаний Премудрый или Григорий Цамблак, но он ввел в русские жития прочно установленные однообразные приемы, утвердив и закрепи каноны житиеписи. Его холодному, суховатому стилю, его приемам легко было подражать, и в XVI в. именно он становится нормативным для русских агиографов⁸.

В творчестве писателей Тырновской школы прослеживаются некоторые черты раннего Ренессанса. В русской литературе конца XIV — начала XV вв. также появляются гуманистические идеи, внимание к человеку, его чувствам и переживаниям, т. е. ренессансные моменты, несмотря на общий религиозный характер культуры того времени. Это время Предренессанса в русской культуре, по терминологии акад. Д. С. Лихачева. Как литература Тырновской школы, так и произведения русского Предренессанса имеют в целом церковный, религиозный характер, писатели используют церковные жанры, особенно жития и похвальные слова. Именно в этих жанрах ощущим более ясно кризис монументального средневекового историзма и характерные идейные сдвиги, появление авторского интереса к человеку как таковому, его переживаниям и эмоциям, отражение собственных, авторских чувств, моменты психологические, черты абстрактной человеческой индивидуальности и пр. Но теоцентризм не вытесняется антропоцентризмом, как это станет позднее в русской литературе в XVII, а в болгарской в XVIII в., в эпоху национального Возрождения: происходит только перемещение акцентов, и рядом с божественной темой в литературе начинает развиваться и тема человека. В XVI в. в связи с созданием русского централизованного государства и литературы, призванной освятить и прославить это государство, происходит своеобразный возврат к монументализму: по терминологии Лихачева, вырабатывается стиль „второго монументализма“. И действительно, Великие Четых-Миней полностью соответствуют монументальному жанру и стилю; и в то же время стиль их характерен чертами эклектичности, сочетанием старого монументализма и элементов экспрессивно-эмоционального стиля предшествующего периода, более того в них есть произведения, в которых не избытки традиции гуманистические, ренессансные. Особенно это связано опять-таки с опосредствованно, как мы уже говорили, восприимчивыми, южнославянскими моментами, в этот раз в философской сфере.

Оригинальность Евфимиевского этапа в развитии болгарской средневековой литературы — в философской наполненности его житий и слов, связанной с исихазмом, в патриотической тревоге, отразившей угрозу надвинувшегося османского нашествия⁹. В философской системе исихастского мировоззрения присутствуют многие черты, роднящие его с неоплатонизмом, гуманизмом и под. Влияние исихастской идеологии отразилось в произведениях и образе жизни таких выдающихся русских деятелей, как Сергей Радонежский и его сподвижники, Андрей Рублев и круг художников, иконописцев его времени, и таких житиеписцев, как Епифаний Премудрый и Пахомий Серб, через них предренессансные элементы опосредствованно проникают и в Четых-Миней.

Для возрожденского периода очень характерен и интерес к филологии, критика старых текстов, стремление пересмотреть, исправить основы пере-

⁸ В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 166.

⁹ Ср. П. Д и н е к о в. При изворите на българската култура. С., 1977, 25—39.

водческого дела, орфографию, церковную обрядность. И в работе членов Макарьевского кружка именно здесь можно найти возрожденческие моменты, новое, хотя и проводимое непоследовательно и настороженно. На Руси идея пересмотра старых книг и старой церковной обрядности, введения упорядоченности в Олимп русских святых и критическое отношение к переводческим принципам появлялось уже не раз и всегда встречалось с ostrакизмом патриархальных кругов. В Болгарии такую реформу осуществил патриарх Евфимий. На Руси первые решительные шаги были сделаны еще при князе Василии Ивановиче, когда в 1518 г. с Афона для переводческой работы и исправления богослужебных книг, переведенных с греческого в старые времена, был вызван Максим Грек. Гуманист Михаил Триволис, происходивший из знатного рода, близкого к правящей византийской династии Палеологов, учившийся более двадцати лет на острове Корфу, в Венеции, в городах Северной Италии, сблизившийся со многими гуманистами, а особенно, как он вспоминает позже в России, с известным книгоиздателем и возрожденцем Альдом Мануцием, приобретает там широкие и разносторонние знания прежде всего в области филологии, грамматики, диалектики, риторики, критики текстов. Он становится там „христианским гуманистом“, прочно стоящим на богословских позициях, но убежденный в полезности просветительства, знания классического наследия и широкого взгляда на мир. Главными его увлечениями делаются, с одной стороны, философия Платона, с другой, неистовая борьба против пороков и несправедливости вдохновенного проповедника и фанатика Савонаролы. Ему Максим Грек посвятит написанную в России „Повесть страшну и достопамятну“. И в монахи он постригается в монастыре св. Марка во Флоренции, настоятелем которого был когда-то Савонарола. Впоследствии он становится монахом Ватопедского монастыря на Афоне, находившемся под покровительством византийских императоров и бывшем центром православной учености. „Аки искусна божественному писанию и пригожа на сказание всяких книг, и церковных и глаголемых елиньских, понеже от младая юности в сих возрасте и сим наказася добродетелне . . .“ послан Максим Триволис на Русь¹⁰. В своей переводческой деятельности и работе по исправлению книг Максим Грек основывался на более передовых филологических и философских взглядах, кроме того, он вмешался в политическую и церковную борьбу того времени, выступив на стороне нестяжателей, критикуя „неправды“, государственные и общественные порядки и т. д. Дважды судит его церковный собор, обвиняя в „порче“ церковных книг, тайных сношениях с султанской Турцией и многих других церковных и политических прегрешениях. Двадцатью шестью годами монастырского заключения поплатился Максим Грек за свою книжную деятельность. К трагическим последствиям, потрясшим русскую церковь и все государство привела реформа книг и церковной обрядности, проведенная патриархом Никоном в XVII в.; она закончилась церковным расколом, значительно ослабившим русское государство. Таковы были предшественники и последователи митрополита Макария. Макарий — крупный церковный и политический деятель Руси, сначала новгородский архиепископ, потом с 1542 г. московский митрополит, был современником Максима Грека, но защитником противоположной стороны в идеологической борьбе, развернувшейся в России XVI в. Он был одним из вождей партии иосифлян, победивших в упорной борьбе партию нестяжателей

¹⁰ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 198. О Максиме Греке см. в работах Е. Денисова: Denissoff, E. *Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis*. Paris—Louvain, 1943 и др. его работы.

и стоявших на позициях защиты сильной церкви в союзе с единой и мощной царской властью.

Макарий и кружок близких к нему прогрессивных церковных деятелей предпринимают унификацию церковных обрядов и культа святых. На двух церковных соборах 1547 и 1549 гг. Макарий добивается общегосударственного признания и канонизации свыше 70 местных святых, объединяя и централизируя церковные почитания. Эти реформы имеют параллель в болгарских событиях тырновской эпохи. Сначала при Феодосии, а потом при патриархе Евфимии проводились церковные (в соответствии с иерусалимским уставом видоизменялось богослужение) и особенно календарные реформы — унификация календаря болгарской церкви, уточнение мест праздников, времени празднования отдельных святых и т. п. Может быть, эти мероприятия были известны Макарию и стали для него ведущим примером. Макариевский кружок поставил в связи с этими процессами канонизации и унификации еще более широкие цели — создать для каждого почитаемого официально во всей Руси святого каноническое житие, написав новые жития и обработав старые, написанные не по канону.

Унификация культа и обрядности, вызванные в конечном счете нуждами государственной и церковной централизации, привели и к унификации церковно-литературных жанров, стиля и языка новой агиографии XVI в. Все жития, как собранные кружком, так и отредактированные и написанные заново, имели общие стилевые признаки, композиционное единство, признаки художественного метода, который, как мы уже заметили, был эклектичен и сочетал обращение к литературе Киевской Руси с подражанием „экспрессивно-эмоциональному стилю“. Осуществление стилового единства и соответствия канону стало задачей Макарьевского кружка, образцом для их работы были прежде всего жития Пахомия Сербя, а, следовательно, южнославянские традиции, воплотившиеся в его работах.

Кружок Макария осуществил целую систему мероприятий, например, составление монументальной „Степенной книги царского родословия“, способствовал открытию первой русской типографии, систематизировал и обработал многие церковные произведения, собрал ранее малоизвестные и т. д. Все эти „нововведения“ не вызвали потрясения основ, может быть, из-за своего консервативного, охранительного характера или в связи с непоследовательностью и ограниченностью проводимых реформ. Внешне это было даже возвращение назад, к старым традициям церковно-славянского письма, к евфимиевской школе, но это было и необходимое подведение итогов, без которого немислим был новый, следующий этап, возникновение личностного сознания на рубеже XVI—XVII вв. и появление новых литературных жанров и обмирщение, демократизация литературного процесса в XVII в.

Общее значение деятельности макарьевского кружка было несомненно прогрессивным; они способствовали защите общегосударственных идей, централизаторским тенденциям. Но значение их главного труда — Великих Четых-Миней, еще шире. В этом монументальнейшем своде в результате десятилетий напряженной работы были собраны все известные к XVI в. древнерусские произведения: переводные и переделанные, превзятые из византийской и южнославянской книжности труды, „святые книги“, но и некоторые, как признавал сам Макарий, „ложные и отреченные“, апокрифные произведения¹¹. В этой литературной энциклопедии XVI в. присутствует и много болгарских материалов, в том числе труды самого патриарха Евфи-

¹¹ Великия Миней-Четии, I, Сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, Летописецъ, с. 1.

мия, его сподвижников, учеников и последователей и жития целого ряда известных болгарских святых. Сам Макарий подчеркивает, что в трех списках громадных 12 томов, где по счету монаха Евфимия, составившего оглавление памятника по Царскому списку, было не менее 27 057 страниц с двумя столбцами текста на каждой странице большого формата, „все святые книги събраны и написаны, которые въ Русской земле обретаются.“ Он же подчеркивает и непоследовательность и ошибочность многих своих начинаний, особенно в отношении исправления иностранных, т. е. переводных произведений и памятников особенно древних: „паче же многи труды и подвиги подъях от исправления иностранных и древних пословиц, преводя на русскую речь; и сколько нам Бог дарова уразумети, толико и възмогахом исправити; иная же и доднесь в них неисправлена пребысть, а сиа оставихомъ по нас могущим с Божиею помощію исправити“¹².

Из сочинений самого патриарха Евфимия в ВМЧ присутствуют прежде всего его жития, которые как литературный жанр и как образцовые для кружка митрополита Макария жития, несомненно, привлекали пристальное внимание. То, что произведения Евфимия помещены в своде, свидетельствует о их популярности на Руси. Составители переписывали прежде всего те из переводных или чужестранных произведений, которые имели широкое хождение, авторов, пользовавшихся особым авторитетом. Представлены два жития патриарха Болгарии. В октябрьских минеях помещено его поэтическое, специально написанное „по лепоте“, т. е. с учетом художественной выразительности слов и образов, „Житие и жизнь преподобныя матери нашей Праскевы, съписанное Еуфиміем патриархом Тръновским. К концу же слова и како пренесена бысть в славу Сръбскую землю, съписано Григоріем Цамблаком.“ В русской рукописной традиции произведение Цамблака обычно переписывалось следом за житием Евфимия и логично дополняло его содержание. Впрочем, в ВМЧ, если мы хотим быть совсем точными, избран необычный способ включения двух произведений в текст, они словно перемежаются, авторы как будто ведут диалог, продолжая рассказ один за другим. В тексте так и обозначено: Патриархово, Цамблаково, а конец взят из произведения патриарха Евфимия: „Нъ о преподобная мати всекраснаа Параскева! Милостивние нас назирай свыше, ныне бо не яко зеркалом и гаданием зриши, его же възделела еси Христа, но лицом к лицу чисте събеседуеши Ему...“¹³

Интересный факт, что опубликование русского свода, в частности тома с житием Петки Евфимия, изданного в Петербурге в 1874 г., было осуществлено с участием известного болгарского культурного деятеля, основоположника научно-критического течения в болгарской историографии, родоначальника современной болгарской медиевистики, издателя и публициста, учившегося и долгие годы плодотворно работавшего в России, причем сотрудничавшего в „Современнике“, бывшего членом Петербургской Археологической комиссии и пр., и пр., Спиридона Николаева Палаузова. Том ВМЧ за октябрь, дни 1—3, начинается с его редакторского предисловия. Участвовал, как известно, С. Палаузов и в издании ценнейшего русского памятника „Ипатьевской летописи“, которая донесла до нас и один из ранних списков знаменитой „Повести временных лет“.

Кроме жития Петки и рассказа Цамблака, записанных на день 14 октября, и занимающих в печатном издании ВМЧ столбцы 1021—1042, помещено в монументальном сборнике и житие Филофеи, написанное Евфимием.

¹² Там же, 1—11.

¹³ Великия Миней-Четии, Октябрь, дни 4—18, СПб., 1874, стлб. 1021—1042.

Евфимий пишет здесь и о перенесении ее мощей в славный град Тырново во время царствования Калояна, когда болгарское государство было крепким и сильным и покорило себе все окольные страны.

Оба жития написаны в соответствии с агиографическим каноном, установленном в византийской литературе Симеоном Метафрастом. Они многословны, риторичны и многокрасочны. В русском своде, несомненно, и переписчики, и составители воспринимали их как образцовые, как материал для подражания. Но жития Евфимия носят и черты нового, в них создается пышный панегирик болгарским святым, святым, почитавшимся в Тырново, и, таким образом, проводится патриотическая тенденция: авторская похвала обнимает собой и святого, и город, в котором чтится его имя, славную столицу Тырново и его церкви, и его народ, и его владетелей. Написанные в связи с праздниками святых, жития очень конкретно связываются с жизнью почитавшего святых народа, которого эти святые должны охранять от всего злого, а потом и от страшного чужеземного нашествия. Но в русских условиях эти жития воздействовали не так своими новыми чертами, как строгим каноническим строением, высокой абстрактностью, возвышенностью главных образов, а также и экспрессивностью, показом чувств и переживаний героев житий и самого повествователя, патриотические убеждения которого, философские исихастские воззрения, личные, конкретные черты впервые в то время начинали проникать на страницы житийных повестей.

Патриотическое отстаивание значения болгарской церкви через прославление ее святых, особенно в сравнении с византийской церковью и византийскими святыми, напоминает нам знаменитое „Слово о законе и благодати“ митрополита Иллариона, первого русского митрополита в Киевской Руси, восхвалявшего славу и святость князя Владимира Святославовича, крестившего Русь, сравнивая его и уподобляя его святому Константину, императору Византии, уравнивая их заслуги перед богом. Сообщая о торжественном перенесении мощей святых Филофеи и Иллариона Мыгленского в славный град Тырново, Евфимий показывает, что это стало возможно только после побед царя болгарского Калояна над византийцами и другими окрестными народами. Эти страницы проникнуты особенно ясным оптимизмом и патриотизмом. Живая современность находит себе место чаще всего именно в конце Евфимиевских житий, где в заключительных молитвенных обращениях к святым он, как когда-то русский митрополит Илларион, просит святых оберегать болгарского царя и болгарский народ.

В ВМЧ представлены и биографии некоторых других почитаемых народом Тырново болгарских святых. На день 18 октября записано „Житие и жизнь преподобного отца нашего Иоанна, пустынножителя Рыльского, иже в Трапезици лежащего и по-все дни великая сътворяюща чудеса, „столбцы 1515—1530. Это известное житие Георгия Скилицы, византийского писателя, бывшего управителем Софии во времена Мануила I Комнина, написанное около 1180 г. и начинающееся со знаменитой формулы ложной скромности, обязательной по канону для житиеписца: „Священное начати поведание желание убо понуждает мя, страх же възбращает много мя от начатия, являя преписание. Моисеови възвести отрешити сапог повеле... и т. д.“¹⁴

На следующий день 19 октября падает припоминание „памяти преподобного отца нашего Ивана Рыльского“: „Святый преподобный отец наш Иван, великий в постницех, бяше от предел славнаго града Средеческаго, от села, нарицаемаго Скрино, в царство христолубиваго Петра, царя Бол-

¹⁴ Там же, стлб. 1515—1530.

гарьского, а Греческого Константина Диогена, родителя имый благочестива и на зело богат, племени Болгарьского.“ Это второе проложное житие Иоанна Рыльского (столбцы 1537—1541)¹⁵.

На день 21 октября приходится „Житие преподобного отца нашего Илариона“ (стлб. 1682—1732): „Блаженного и друга божия Илариона житие начинаю списати, молитвами его молюся, Господеви, да Святым Духом своим дано ми будет слово, да возмогу, противу достояния его добродетели его сподевати и подражанию святаго жития его, управляем благодатию господнюю, сподоблен буду вечнаго спасения. . .“¹⁶ Потом идет „Память преподобного отца нашего Илариона великаго“, стлб. 1732—1733, а далее: „В тый же день перенесение мощем святаго Илариона, епископа мегленьскаго“: „Царствующу Калоианну, царю болгарьскому, брату стараго Асеня царя и приемышу гречьскую землю Фрак, Макидонию, Неаду и Еллааду, и дошед ту града Мегленьскаго и того приемышу, обрете раку преподобнаго Илариона. Божественую ревностию росжъждеая, восхоте пренести мощи святаго в свой настольный град, царствующий, глаголемый Тернов, еаже повеле сущим, иже подо областию его, и двигше мощи святаго с ковчегом, пренесоша от града того. Услышав же патриарх Тернова града и вся земля болгарьская пришествие святаго, изыде с епископы и со всем причтом своим и с боляры и всем народом . . .“ „ . . . И минувшим многим летом и временем, восприя царствия скипетры новый царь Иоанн Асен, сын стараго Асеня, царя, и бысть царствуя и обладая на болгары и греки и фругы, сербыми же и арбанасии и всеми грады от моря и до моря. Изволися тому царю Иоанну Асеню съзидати церковь во имя святых и великомученик и добropобедных четьредесяти. И тако церкви создане бывши и украшене благолепне, внесена бысть рака с мощми треблаженнаго святителя Илариона и положена с честию . . .“ Мы позволили себе переписать почти всю краткую повесть, чтобы показать наглядно звучащие в ней патриотические идеи, моменты исторической характеристики и жанровые признаки похвального слова, обращенного не так к святому, как к славным болгарским владетелям Калояну и Иоанну Асену¹⁷. Иларион Мыгленский почитался в Тырнове не только за монашеские подвиги, но и за борьбу с еретикам, вероятно, и с болгарскими богомилами, не даром им был основан монастырь „Святых апостолов“ на месте богомильских собраний. В житии подчеркивается и его значение для Византии как церковного деятеля, поскольку он, по словам автора, спас от еретического влияния самого византийского императора Михаила Комнина.

Похвальные слова патриарха Евфимия в напечатанных томах ВМЧ не были нами найдены, но в сентябрьских минеях присутствует отрывок из Евфимиевой „Похвалы Константину и Елене“, переработанный, может быть, на русской почве и часто переписываемый в различных русских сборниках, особенно житийных. Это повествование, носящее жанровые черты исторической повести с претензией на достоверность. Оно записано на день 13 сентября: „В той же день, Евфимия, патриарха Тернувскаго, повесть о обновлении храма Христа Бога нашего Въскресения“ (стлб. 661—666): „Сичевым убо образом праздник сий уставися: Константин Великий, сын Елены и Консты, по осиянии света крестнаго весь Христу моему бысть: царская бо благочестиве правише, церковными же, паче же реку небесными,

¹⁵ ВМЧ, Октябрь, дни 19—31, СПб., 1880, стлб. 1537—1541.

¹⁶ Там же, стлб. 1682—1732.

¹⁷ Там же, стлб. 1733—1734.

болми печаяшеся, и губителнаго Ария низложи и с единомысленики его, събрав великий и первый събор в Никеи Вифинейстей . . .¹⁸

В январские минеи включено и житие Евфимия, написанное Кириллом Скифупольским, оно введено на день 20 января¹⁹.

Из учеников и последователей Евфимия Макарьевский кружок, видимо, лучше всего знал Григория Цамблака, он в ВМЧ представлен довольно широко. Как уже было показано, его рассказ о переносе мощей святой Параскевы из Тырново в Видин и в Сербию помещен в октябрьских минеях. Рассказ этот знакомил русского читателя не только с фактом передачи мощей почитаемой в целой Болгарии и особенно в Тырново святой в сербский монастырь, построенный королем Лазарем и его женой Милицей в окрестностях их тогдашнего главного города Крушевац, но, что было более важно, с трагическими событиями болгарской истории. Талантливый стилист и риторик, с большим пафосом и волнением рисует Цамблак мирную жизнь болгарского народа под рукой славного царя Ивана Шишмана. Тем страшнее потрясение и негодование автора, когда он приступает к рассказу о внезапном нападении на Тырново царя Баязида: безбожный царь, подстрекаемый самим дьяволом, не только разграбил город, но лишил даже святую ее красных одежд и заменил из лохмотьями. Спасенные Константином и перенесенные в Видин мощи Параскевы вновь не находят спокойствия, поскольку пала и эта болгарская твердыня. Судьба святых мощей словно символизирует трагическую участь целого народа и всего болгарского государства.

В декабрьских минеях читается отрывок из жития Стефана Дечанского, составленного Григорием Цамблаком. В том, охватывающий материал от 6 по 17 декабря, внесены чудеса святого Николая, одного из самых популярных на Руси святых. Одно из них — чудо со Стефаном Дечанским — взято, как указывают составители русского памятника, из произведения Цамблака: „В той же день (6 декабря) Чюдо новейшее святого Николы: о цари Стефане Сербском, иже в Дечанех, како дарова ему очи, иже на длани. Списано Григорием мнихом и прозвитером, игуменом бывшимъ тояже обители.“ (столбцы 645—651)²⁰. Среди рассказов о многочисленных чудесах Николы повествование Цамблака выделяется своей несомненной художественной стоимостью. Отделанный стиль отрывка, высокий пафос, изысканные ораторские приемы, богатые образные ассоциации, черты авторской личности, настроения и чувства, переживаемые ею, — все это обогащало его житие, все это отличало и помещенное в ВМЧ чудо.

Широко представлены ВМЧ и слова Григория Цамблака, они высоко ценились русскими церковными писателями, их поучения живо воспринимались многочисленными читателями. Из самых значительных похвальных слов Цамблака в ВМЧ переписано „В той же день (26 октября) Григория, архиепископа росийскаго слово похвальное святому и славному великому ченику и мироточцу Димитрию.“ (стлб. 1913—1920)²¹.

Поучительные слова представлены несколькими образцами. 8 сентября дано „Григория, инока и презвитера, слово на всесечное рождество пресвятыя Владычица наша Богородицы“ (стлб. 409—417)²². На день 14 сентября

¹⁸ ВМЧ, Сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, стлб. 661—666.

¹⁹ К. И в а н о в а. Структурно-типологична характеристика на чети-минейните сборници в южнославянската и руската литература (XIV—XVII в.). — В: Славянска филология, т. XVI. С., 1973, с. 76.

²⁰ ВМЧ, Декабрь, дни 6—17, выпуск 11, М., 1904, стлб. 645—651.

²¹ ВМЧ, Октябрь, дни 19—31, СПб., 1880, стлб. 1913—1920.

²² ВМЧ, Сентябрь, дни 1—13, стлб. 409—417, СПб., 1968.

записано „Слово Григория, архиепископа Росийскаго, на Въздвижение честнаго креста“ (стлб. 766—773)²³. Наконец, 7 декабря помещено „Григория мниха и прозвитера слово похвальное святым трем отрокам и Даниилу пророку, и яко искушения и напасти находятъ святым на объявление тех добродетели, и о святом причащении“ (стлб. 1167—1184)²⁴. А. И. Яцимирский считает последнее одним из девяти слов, произнесенных Григорием Цамблаком в бытность его в городе Сучаве в должности пресвитера Молдавовалашской церкви²⁵. Он датирует их периодом с 1401 по 1403 гг. С мнением Яцимирского был не согласен В. Сл. Киселков, доказывавший, что в этот период времени Цамблак находился в Сербии и на этом основании ставивший под сомнение авторство Цамблака²⁶. Исследования последнего времени подтверждают факт пребывания Григория Цамблака в Молдавии и его проповедническую и писательскую деятельность в Сучаве²⁷. Русская рукописная традиция все названные выше слова приписывает без сомнения Григорию Цамблаку. Высокое ораторское мастерство, с которым они написаны, усложненный образный стиль, прочувственное изложение тоже говорят об очень талантливом авторе, по ряду признаков стиль близок манере именно Цамблака — одного из надареннейших авторов средневековой славянской литературы.

С именем Григория Цамблака связывают иногда и поучение, записанное в ВМЧ на день 26 сентября: „Наказание Григория Черноризца“: „Не мозем убо ленитися, братие, о своем спасении; не презрим време, даннаго нам на покаание, его же пакы получитьи не възможем . . .“ (стлб. 2166—2167)²⁸. Иногда произведения Цамблака помещены без имени автора, а иногда и под чужим именем. Так, без упоминания имени автора в числе Златоустовых слов переписано его же „Слово о блаженном Филогонии и о божественных тайнах“²⁹.

Из материалов с важной болгарской тематикой, прямо не связанных с Тырновской школой, в монументальный русский памятник включен ряд произведений ее предшественников: Климента Охридского, Иоанна Экзарха, Козьмы Пресвитера и т. д. Традиции авторов „золотого века“ болгарской культуры оживают в Тырновской школе, особенно в ее переводческой деятельности и в плане ее реформаторских преобразований. С основателями славянской письменности ВМЧ знакомят русского читателя по их Пространным житиям. В октябрьском томе ВМЧ, столбцы 976—1010, на день 14 октября приходится память Константина-Кирилла, поэтому на этот день помещено в сборнике и его житие: „В той же день память и житие блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника Словенскому языку“: „Бог милостив и щедр, жадаая на покаяние человеце, да быша спасени вси были и в разум истинный пришли: не хочеть бо смерти грешнику, но и покаяние животу . . .“³⁰ Далее, столбцы 1010—1021: „В той же день слово похвално на память святым и преславным учителем Словеньску языку, сътворившему письмены ему и приложьшима на новый ветхий закон в

²³ ВМЧ, Сентябрь, дни 14—24, СПб., 1869, стлб. 766—773.

²⁴ ВМЧ, Декабрь, дни 6—17, М., 1904, стлб. 1167—1184.

²⁵ А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии и Валахии. — Памятники древней письменности и искусства. CLXIII. СПб., 1906, 3—11.

²⁶ В. Сл. Киселков. Проуки и очерки по старобългарска литература. С., 1956, 231—260.

²⁷ П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. С., 1966.

²⁸ ВМЧ, Сентябрь, дни 25—30, СПб., 1883, стлб. 2166—2167.

²⁹ К. Иванова. Указ. соч., с. 76.

³⁰ ВМЧ, Октябрь, дни 4—18, СПб., 1874, стлб. 976—1010.

языки их, блаженному Кирилу, архиепископу Паноньску и Мефодию". Известные русским читателям еще по первым летописным известиям в „Повести временных лет“ данные о создании славянской азбуки, о переводческой и миссионерской деятельности, о просветительстве славянских подвижников Кирилла и Мефодия, превзятые из их житий, снова вводятся в макариевский монументальный свод. Причем наряду с житием, составители используют и излюбленный в тот период и широко представленный ВМЧ жанр похвального слова.

Из произведений Иоанна Экзарха Болгарского, „Шестоднев“ которого читал и цитировал уже Владимир Мономах, введены в ВМЧ „Слово о Иоанне Богослове“ и „Слово о Преображении“. Отрывок из „Беседы против богомиллов“ пресвитера Козьмы, взятый из части „О монашестве“, переписан в декабрьских минеях: „В той же день (6 декабря) слово Козмы пресвитера о мнисех, нехотящих быти с чернцы и подлежати страде монастырьской“, столбцы 800—801: „Друзии бо в затворы влезать, да своя воля створять и тоу кормящеся, аки свиния в хлевине пребывают, и приносимым радующеся, и того ради монастырьскаго закона оубежавше, не хотяще трудитися, ни покоритися игумене, ни могуще с чернцы миром ни дне пребыти“³¹.

Поучительные слова Климента Охридского постоянно переписываются русскими духовными и светскими книжниками. В ВМЧ дано в сентябрьском подборе его похвальное слово: „В той же день (5 сентября) слово похвально, списано Климентом епископом, на память блаженнаго Пророка Захарии и о родстве Иоанна Крестителя“ (столбцы 271—278). Его же похвала святому Димитрию входит в обширную подборку произведений, посвященных этому святому и приходящуюся на 26 декабря. Там же записана, как мы уже указали, и похвала Димитрию Цамблака. „В той же день Климента епископа похвала святому и славному, Христову мученику и победоносцю Димитрею мироточцю“ (столбцы 1920—1924).

Из работ русских авторов, использовавших болгарские материалы, надо отметить русский вариант житий Георгия Нового Софийского. На основании устного сообщения афонских монахов-паломников по просьбе митрополита Макария житие было написано псковским пресвитером Ильей и включено в ВМЧ. В нем в резко обличительной форме говорится о страшных зверствах османских угнетателей, обрушившихся на Болгарию. Как показывают работы исследователей жития³², вероятнее всего, автор не использовал болгарское житие попа Пея, написанное в честь Георгия Нового Софийского и относящееся к Софийской школе, на новом этапе продолжившей лучшие традиции евфимиевской агиографии.

Отражение литературного воздействия Тырновской школы на составленный кружком митрополита Макария монументальный свод Великих Четый-Миней и обзор конкретных произведений тырновских авторов и сочинений с важной болгарской тематикой, включенных в русский свод XVI в., показывает еще одну интересную страницу из истории русско-болгарских отношений в период средневековья. Взаимообогащение двух родственных литератур — образец и пример братской дружбы двух близких славянских народов.

³¹ ВМЧ, Декабрь, дни 6—17, М., 1904, стлб. 800—801.

³² Сопоставление болгарского и русского жития Георгия Нового Софийского см. в работах П. Динекова и И. Калиганова.